Глоток свободы

Автор:
Анна Гавальда

Глоток свободы

Анна Гавальда

«Глоток свободы» – это рассказ об отлично проведенных выходных. О встрече брата с любимыми сестрами, об их веселом побеге с семейного торжества, о поездке в замок в гости к младшему брату Венсану, о похождениях «великолепной четверки», о луарских винах, о взаимопонимании, о радости жизни, о творчестве, о любви.

Анна Гавальда – один из самых читаемых авторов мира. Ее называют «звездой французской словесности» и «новой Франсуазой Саган». Ее книги, покорившие миллионы читателей, переведены на десятки языков, отмечены целым созвездием премий, по ним ставят спектакли и снимают фильмы.

Анна Гавальда

Глоток свободы

Я еще и в машину-то сесть не успела, только нагнулась и открыла дверцу, как моя дорогая невестка накинулась на меня:

– Ну сколько можно тебя дожидаться!.. Ты что, не слышала, мы уже десять минут тут тебе гудим!

– Здравствуй! – вот так я ей на это ответила.

Мой брат обернулся. И подмигнул – еле заметно.

– Как дела, красотка?

– Нормально.

– Хочешь, я положу твои вещи в багажник?

– Нет, спасибо. Со мной только эта сумочка да еще платье… Я его брошу на заднее сиденье.

– Вот это вот твое платье? – она удивленно вскидывает брови, разглядывая скатанную в комок пеструю тряпку у меня на коленях.

– Ну да.

– И что… что это?..

– Сари.

– Хм… вижу.

– Нет, пока ты ничего не видишь, – учтиво возражаю я, – ты все увидишь, когда я его надену.

Оскорбленно скривилась.

– Ну что, поехали? – вмешивается мой брат.

– Да. То есть нет… Ты можешь остановиться возле арабской лавочки вон там, в конце улицы? Мне нужно купить одну вещь…

Моя невестка тяжело вздыхает.

– Чего тебе еще не хватает?

– Крема для эпиляции.

– И ты это покупаешь у арабов?

– Да, я все покупаю у моего Рашида! Все-все-все!

Она мне явно не верит.

– Ну, ты уже закончила свои дела? Мы можем наконец ехать?

– Да.

– Ты не пристегиваешься?

– Нет.

– И почему же ты не пристегиваешься?

– Клаустрофобия, знаешь ли, – отвечаю я ей.

И, не дожидаясь, когда она заведет свою песню об искалеченных пациентах Гарша[1 - В больнице Гарша, небольшого городка в окрестностях Парижа, выхаживают людей, пострадавших в серьезных ДТП. Существует расхожая фраза: «Пристегнись, не то кончишь свои дни в Гарше».], добавляю:

– К тому же я собираюсь вздремнуть. Умираю как спать хочу.

Брат улыбается.

– Что, рано встала?

– Вообще не ложилась, – объясняю я, зевая во весь рот.

Что, по правде сказать, чистое вранье. Несколько часов я все же покемарила. А говорю так нарочно – чтобы позлить мою невестку. И мне это удается. Знаете что мне нравится в ней больше всего? То, что мне всегда это удается.

– Ну и где ж это ты гуляла? – цедит она, воздев глаза к небу.

– У себя дома.

– Что-то праздновала?

– Да нет, просто играла в карты.

– В карты?!

– Ну да. В покер.

Она раздраженно трясет головой. Но не слишком ретиво. В машине повеяло фиксатором для укладки волос.

– И сколько же ты продула? – весело спрашивает мой брат.

– Ничего я не продула. Наоборот, выиграла.

Оглушительная пауза.

Наконец моя невестка не выдерживает.

– И можно узнать, сколько именно? – интересуется она, поправляя свои солнцезащитные очки Persol.

– Три тысячи.

– Три тысячи?! Три тысячи чего?

– Как чего… Евро, конечно! – простодушно сообщаю я. – Не с рублями же мне морочиться…

Сворачиваясь калачиком, я хихикала про себя. Теперь моей дорогой Карине хватит пищи для размышлений на всю оставшуюся дорогу…

Я прямо-таки слышу, как у нее в мозгах включился счетчик:

«Три тысячи евро… тик-тик-тик-тик… Это сколько ж ей надо было бы продать сухих шампуней и пачек аспирина, чтобы заработать три тысячи евро?.. Тик-тик-тик-тик… Плюс общие налоги, плюс налог на профессию, плюс местные налоги, плюс аренда помещения, минус налог на добавленную стоимость… Сколько раз ей пришлось бы надеть свой белый халат, чтобы заработать три тысячи чистыми? Да, еще ведь CSG[2 - CSG (contribution sociale generalisee) – налог, взимаемый со всех категорий собственности и деятельности на социальные нужды (фр.).]… Прибавляем восемь и вычитаем два… И оплаченный отпуск… итого десять, да помножим на три… тик-тик-тик-тик…»

Да, я хихикала. Под мерное урчание двигателя их «седана», уткнувшись носом в сгиб локтя и подтянув колени к подбородку. Я ужасно гордилась собой, потому что моя невестка – не человек, а ходячая поэма.

Моя невестка Карина имеет диплом аптекаря, но предпочитает, чтобы его называли медицинским, иными словами, она аптекарша, но предпочитает, чтобы ее называли фармацевтом, иными словами, у нее есть аптека, но она предпочитает, чтобы это называли лабораторией.

Она обожает жаловаться на бедность в момент десерта, а еще носит хирургический халат, застегнутый до самого подбородка, с термоклейкой наклейкой, на которой красуется ее имя с двумя кадуцеями по бокам. В настоящее время она торгует главным образом кремами для сохранения упругости ягодиц и мазями с каротином, потому что эти товары прибыльнее других, но предпочитает называть это оптимизацией своего парафармацевтического отдела.

Моя невестка Карина достаточно предсказуема.

Когда мы с Лолой, моей сестрой, узнали о такой невероятной удаче – о том, что в нашей семье появился собственный специалист по средствам против морщин, торговый представитель марки Clinique и дистрибьютор Guerlain, – мы бросились ей на шею, готовые лизаться как пара восторженных щенят. О, какой торжественный прием мы оказали ей в тот день! Мы обещали, что отныне будем закупать косметику только у нее, мы даже были готовы величать ее доктором или профессором Ларьо-Молину, лишь бы она отнеслась к нам как к родным!

Да что там говорить: мы были готовы ездить к ней в аптеку на RER[3 - RER (Reseau Express Regional) – скоростное метро, связывающее Париж с предместьями (фр.).]. Тогда как для нас с Лолой поездка на RER до Пуасси – настоящий подвиг.

Мы с ней киснем, стоит нам оказаться за пределами бульваров маршалов, а тут – Пуасси!..

Однако так далеко таскаться нам не пришлось, ибо в конце этого первого семейного обеда наша дорогая невестка приобняла нас за плечи и поведала, опустив глазки долу:

– Только знаете… гм… Я не смогу вам делать никаких скидок… потому что… гм… Если я начну делать их вам, то после… ну, вы понимаете… после я… в общем, этому конца не будет, верно?

– Что, даже какой-нибудь пустяк нам не уступишь? – со смехом спросила Лола. – И даже на пробники не надеяться?

– Нет, пробники – это пожалуйста! – ответила та, облегченно вздохнув. – Пробники это без проблем.

И когда она отбыла, крепко вцепившись в руку нашего брата – наверное, чтобы он не улетучился, – Лола пробурчала, одновременно посылая им с балкона воздушные поцелуи: «Ах, скажите, пробники без проблем, да пусть она их

засунет себе в одно место, эти пробники!»

Я была полностью с ней солидарна, и мы сменили тему, стряхивая крошки со скатерти.

С тех пор мы любим ее разыгрывать по этому поводу. При каждой встрече я рассказываю ей о своей подружке Сандрине, которая работает стюардессой и пользуется фантастическими скидками в магазинах duty free.

Например:

– Послушай, Карина… Сколько, по-твоему, может стоить крем Exfoliant Double Generateur d’Azote с витамином B12 от Estee Lauder?

Этот вопрос повергает нашу Карину в долгие раздумья. Она сосредоточенно закрывает глаза, мысленно листает прейскурант своих товаров, определяет ценовой разброс, вычитает налог и наконец выдает:

– Сорок пять?

Я обращаюсь к Лоле:

– Ты не помнишь, сколько он стоил?

– Что?.. Извини, я не слушала. О чем вы говорили?

– О твоем Exfoliant Double Generateur d’Azote с витамином B12 от Estee Lauder – помнишь, Сандрина тебе привезла?

– Ну и что?

– Сколько ты за него заплатила?

– Ой, я уж и забыла… Нашла что спросить… Кажется, около двадцати евро…

Карина захлебывается от возмущения:

– Двадцать евро?! За EDGA с витамином B12 от Estee Lauder?! Ты точно помнишь?

– По-моему, да…

– А я говорю: нет! За такие деньги можно получить только контрафакт! Извини, дорогая, но тебя просто надули! Напихали какую-нибудь «Нивею» в контрабандный флакон и впаривают таким вот простушкам… Не хочется вас огорчать, девочки, – продолжает она с торжествующим видом, – но этот ваш EDGA – обыкновенная подделка! В чистом виде подделка!

Лола переспрашивает с убитым видом:

– Ты уверена?

– Абсолюу-у-утно уверена! Я же все-таки в курсе официальных цен! И точно знаю, что Estee Lauder использует эфирные масла наивысшего кач…

И вот именно в этот момент я оборачиваюсь к сестре и спрашиваю:

– А он случайно не при тебе?

– Кто «он»?

– Ну этот самый крем.

– Нет… кажется, нет… Хотя постой-ка… Может, и при мне… Погодите, я посмотрю в сумке.

Она возвращается с флаконом и протягивает его нашей экспертше.

Та вздевает на нос свои полукруглые очочки и начинает обследовать предмет со всех сторон. Мы сидим молча, впившись в нее глазами и с тоскливым страхом ожидая вердикта.

– Ну как, доктор? – отваживается наконец Лола.

– М-да… Действительно, Lauder… Я узнаю этот запах… И потом, текстура… У фирмы Lauder текстура особенная, ни с чем не спутаешь. Просто невероятно… Сколько, говоришь, ты заплатила? Двадцать евро? Просто невероятно! – вздыхает Карина, укладывая свои очочки в футляр, а футляр – в косметичку Biotherm, а косметичку Biotherm – в сумку Tod’s. – Просто невероятно!.. Скорее всего, это отпускная цена. Ну как прикажете торговать, если они устраивают такой демпинг?! Это же нечестная конкуренция, ни больше ни меньше. Это… это значит, они не оставляют вообще никакой маржи, они… Нет, это вообще бог знает что такое! Просто плакать хочется…

И Карина, погрузившись в глубокую скорбь, долго приходит в себя, мешая и перемешивая свой обессахаренный сахар в чашке декофеинизированного кофе.

Самое трудное для нас в эту минуту – сохранять невозмутимые лица до тех пор, пока мы не уйдем на кухню, где можно дать волю веселью. Вот уж там мы начинаем кудахтать, точно две курицы-несушки. Если мама застает нас в таком состоянии, она всегда огорчается: «Господи, до чего же вы обе вредные!..» И Лола возмущенно отвечает: «Ну уж извините!.. Все-таки эта гадость обошлась мне в семьдесят две монеты!», и мы снова прыскаем со смеху, стоя над посудомойкой и держась за бока.

– Ладно… Если ты столько выиграла за одну ночь, то могла бы хоть разок поучаствовать в расходах на бензин…

– И на бензин, и даже на оплату дорожных сборов, – добавляю я, потирая нос.

Отсюда, с заднего сиденья, не видно ее лица, но я прекрасно представляю себе ее довольную усмешечку и ручки, аккуратно сложенные на аккуратно составленных коленях.

Извернувшись, я пытаюсь достать из кармана джинсов крупную купюру.

– Оставь это, – говорит мой брат.

Карина верещит:

– Но почему?.. Симон, я не понимаю, почему…

– Я сказал, оставь это, – повторяет брат, не повышая тона.

Она открывает рот, закрывает его, ерзает на сиденье, снова открывает рот, отряхивает ногу, стягивает с пальца колечко с сапфиром, снова решительно надевает его, осматривает ногти, пытается что-то сказать, но, осекшись на полуслове, замолкает окончательно.

Атмосфера накалена. Если уж Карина заткнулась, это означает одно: они в ссоре. Если она заткнулась, это означает, что мой брат повысил на нее голос.

А такое случается крайне редко…

Мой брат никогда не выходит из себя, никогда и ни о ком слова дурного не скажет и не осуждает ближнего своего. Мой брат – существо с другой планеты. Может быть, с Венеры…

Мы его обожаем. И часто спрашиваем: «Ну как тебе удается быть таким невозмутимым?» Он пожимает плечами: «Сам не знаю». Тогда мы спрашиваем: «Неужели тебе никогда не хотелось дать себе волю, сказать какую-нибудь гадость, пускай хоть самую мелкую?»

– Ну для этого у меня есть вы, мои красавицы! – отвечает он с ангельской улыбкой.

Да, мы его просто обожаем. Как, впрочем, и все остальные. Наши няни, его учительницы и преподаватели, коллеги и соседи… Абсолютно все.

В детстве мы валялись на паласе в его комнате, слушали его диски, чмокали его в щечку, когда он делал за нас домашние задания, и развлекались тем, что строили планы на будущее. Мы еще тогда ему предсказывали:

– Ты такой добрый и уступчивый, что обязательно угодишь в лапы к какой-нибудь зануде.

И попали в самую точку.

Догадываюсь, из-за чего они разругались. Скорее всего, из-за меня. Могу воспроизвести их разговор слово в слово.

Вчера днем я позвонила брату и спросила, сможет ли он взять меня с собой. «Ну о чем ты спрашиваешь!» – ответил он с ласковым упреком. После чего его дражайшая половина наверняка закатила истерику: еще бы, ведь тогда им придется сделать огромный крюк. Мой брат, должно быть, просто пожал плечами, а она поддала жару: «Подумай, дорогой… нам ведь ехать в Лимузен… а площадь Клиши, насколько я знаю, совсем в другой стороне…»[4 - Лимузен, некогда историческая область, а сегодня район Франции, лежит к югу от Парижа, тогда как площадь Клиши расположена в северной части города.]

И он, такой добрый и уступчивый, вынужден был резко ее осадить, чтобы показать, кто в доме хозяин, и они легли спать, так и не помирившись, и она провела ночь в позиции «спина к спине».

Проснулась она в паршивом настроении и, сидя над чашкой своего биоцикория, снова завела ту же песню: «Все-таки твоя бездельница сестра могла бы встать пораньше и доехать до нас сама… Как посмотришь, на работе она не больно-то убивается, – что, неправда?»

Он даже не ответил. Сидел и молча изучал дорожную карту.

Надувшись, она пошла в свою ванную Kaufman & Broad (отлично помню наш первый визит в их дом: Карина в легком муслиновом шарфике нежно-сиреневого цвета, намотанном на шею, порхала между своими цветочными горшками и с придыханием описывала нам свой «Малый Трианон»: «Здесь у нас кухня – очень функциональная. Здесь столовая – очень уютная. Здесь гостиная – модулируемая. Здесь комната Лео – игровая. Здесь прачечная с сушкой –

необходимая. Здесь ванная – двойная. Здесь наша спальня – с современным освещением. Здесь…» Такое впечатление, будто она хотела все это нам продать. Симон подвез нас до вокзала, и на прощание мы сказали, решив его утешить: «Красивый у тебя дом!» «Да, очень функциональный», – ответил он, горестно кивнув. Ни Лола, ни Венсан, ни я даже рта не раскрыли на обратном пути. Сидели и грустно молчали каждый в своем углу купе, думая, вероятно, об одном и том же. О том, что у нас отняли старшего брата и что отныне жизнь без него станет куда печальнее…), а затем, во время поездки от своей «резиденции» до моего бульвара, демонстративно раз десять смотрела на часы, стонала на каждом перекрестке, увидев красный свет, и когда наконец посигналила мне – могу поспорить, что сигналила именно она, – я просто не услышала гудков.

Ох беда, вот беда так беда…

Милый мой Симон, прости, я так огорчена, что тебе досталось из-за меня…

В следующий раз я уж постараюсь быть более пунктуальной, обещаю тебе.

Я начну хорошо себя вести. Буду рано ложиться спать. Брошу пить. Перестану играть в карты.

В следующий раз я соберусь и начну новую жизнь. Я наконец устроюсь… Не веришь? Честное слово! Найду себе кого-нибудь. Какого-нибудь приличного парня. Белого. Единственного сына у родителей. С водительскими правами и «тойотой», работающей на «экологическом» топливе типа рапсового масла.

Я подцеплю себе такого, который работает на почте, потому что его папа тоже работает на почте и потому что он вкалывает двадцать девять часов в неделю и никогда не берет больничный. Такого, который не курит. Это я специально оговорила в своей карточке Meetic[5 - Сайт знакомств в Интернете.]. Не веришь? Погоди, скоро сам убедишься. Ну чего ты зубы скалишь, идиот?

И тогда уж я перестану тебе надоедать по утрам в субботу просьбами отвезти меня за город. Я скажу своему почтовому «пусику»: «Пусик, ау! Ты ведь отвезешь меня на свадьбу моей кузины на твоей “тойоте” с твоим замечательным джи-пи-эсом, который работает даже на Корсике, даже в заморских департаментах Франции?» – оп-ля! – не успею я и мигнуть, как

окажусь в нужном месте.

Ну вот, опять! Что за дурацкий смех?! Думаешь, у меня ума не хватит жить как все? Думаешь, я не смогу захомутать какого-нибудь симпомпончика в желтом жилете с наклейкой Nigloland? Думаешь, не заведу себе жениха, которому в обеденный перерыв буду покупать трусы в Celio? Да-да… При одной только мысли обо всем об этом я уже трепещу… Эдакий славный малый. Крепкий. Простой. Надежный. Батарейки и сберкнижка прилагаются.

Который никогда ничего не будет брать в голову. Которого в раздумья сможет повергнуть разве что сравнение магазинных цен с каталожными. Который скажет: «Как ни крути, дорогая, разница между Castorama и Leroy Merlin всего только в сервисе…»

И мы с ним всегда будем проходить в квартиру через подземный гараж, чтобы не пачкать пол в вестибюле. И мы будем оставлять обувь под лестницей, чтобы не пачкать лестницу. И мы будем дружить с соседями, ведь они такие симпатичные люди. И мы будем устраивать барбекю на нашем собственном стационарном гриле, а стационарный гриль – большая удача, особенно для детей, потому что так оно значительно безопаснее, как говорит моя дорогая невестка, и еще потому…

О счастье!

Это было бы слишком ужасно. Так ужасно, что я предпочла заснуть.

* * *

Я очнулась только на заправке при въезде в Орлеан. Ничего не соображая спросонья. Совершенно вымотанная и обалдевшая. Мне никак не удавалось открыть глаза, а волосы так тяжело давили на голову, что я их даже пощупала: точно ли это моя шевелюра?

Симон стоял в очереди у кассы. Карина пудрилась наново.

Я побрела к кофейному автомату.

Прошло как минимум секунд тридцать, прежде чем я уразумела, что картонный стаканчик уже полон. Я выпила кофе без сахара и без удовольствия. Похоже, я нажала не на ту кнопку: мой капуччино слегка отдавал томатным соком. Или нет?

Уф-ф-ф! Кажется, денек нам предстоит долгий.

Мы вернулись в машину, не сказав ни слова. Карина выудила из своего несессера влажную очищающую салфеточку с антибактериальной пропиткой, чтобы продезинфицировать руки.

Карина всегда дезинфицирует руки, покидая места общественного пользования.

Ибо гигиена есть гигиена.

Ибо наша Карина буквально видит микробов.

Она видит их коротенькие мохнатые лапки и их ужасные зубастые челюсти.

Именно по этой причине она никогда не ездит на метро. И очень не любит ездить в поездах. Она не может не думать о людях, которые кладут ноги на сиденье или, поковыряв в носу, вытирают палец о подлокотник.

Она и своим детям запрещает садиться на скамейки или дотрагиваться до лестничных перил. Ей противно водить их в парк на прогулки. Ей противно сажать их на детские горки. Ей противно брать подносы в «Макдоналдсе» и особенно противны все эти дурацкие обмены карточками с Покемонами. Ей противно иметь дело с продавцами колбасных секций, которые не носят резиновых перчаток, и с молоденькими продавщицами в булочных, которые не пользуются щипцами, подавая ей круассан. Ей противно думать о детских полдниках в школе и о посещениях бассейна, где все мальчишки хватают друг друга за руки и, уж конечно, заражают всех подряд грибком ступней.

В общем, наша Карина считает жизнь тяжелым и рискованным занятием.

Меня всегда коробит, когда я вижу эти дезинфицирующие салфеточки.

Ну нельзя смотреть на другого человека как на мешок микробов. Пожимать ему руку, приглядываясь: а чистые ли у него ногти? Всегда быть начеку. Всегда прикрывать рот шарфиком. Всегда и во всем остерегать своих детей.

Не трогай, это грязное!

Вытащи оттуда руки!

Ни у кого ничего не бери!

Не ходи на улицу!

Не садись на землю, а то сейчас как влеплю!

Всегда мыть руки. Всегда полоскать рот. Всегда писать, привстав на десять сантиметров над унитазом, и целоваться, не касаясь губами. Всегда судить о других матерях по чистоте ушей их ребятни.

Всегда.

Всегда судить.

Та еще манера, с неприятным таким душком. Помнится, в доме у Карининых родителей уже к середине обеда зашла речь об арабах и начался разговор «начистоту».

Отец Карины называет их не арабами, а черножопыми.

Он говорит: «Для чего я плачу налоги – чтоб эти черножопые рожали по десять ублюдков на семью?»

Он говорит: «Эх, моя бы воля, погрузил бы я всю эту сволочь на корабль да пустил бы его торпедой ко дну!»

И еще он любит приговаривать: «Франция – страна нахлебников и лодырей. А французы все дураки безголовые».

Нередко он завершает свои речи так: «Я вкалываю шесть первых месяцев в году на свою семью, а вторые шесть – на государство, и пусть мне не талдычат о бедных и безработных, ясно? Я вкалываю половину времени на себя, а вторую половину на то, чтобы какой-то Мамаду мог брюхатить десяток своих черножопых баб, и не желаю, чтобы мне тут еще мораль читали!»

Мне особенно запомнился один из этих семейных обедов. Я не люблю о нем вспоминать. Он был устроен по случаю крестин малышки Алисы. Мы все собрались у родителей Карины, живших в окрестностях Мана.

Ее отец работает управляющим в каком-то «Казино» (имеется в виду бакалея, а отнюдь не рулетка), и вот когда я увидела его в конце мощеной аллеи, между его фигурным кованым фонарем и его сверкающей «ауди», то окончательно поняла значение слова «фат». Это смесь глупости и нахальства. Это непоколебимое самодовольство. Это небесно-голубой кашемировый пуловер, туго обтягивающий необъятное пузо. И странная манера эдак сердечно протягивать вам руку, при этом уже ненавидя вас в душе.

Когда я вспоминаю о том обеде, меня жжет стыд. И не меня одну. Полагаю, что Лоле и Венсану тоже особо гордиться нечем…

Симона не было с нами за столом, когда беседа приняла опасный оборот. Он ушел в глубину сада строить шалаш для своего сына.

Он-то уж, наверное, ко всему этому давно привык. И конечно, знает, что, когда толстяк Жако затевает «разговор начистоту», лучше всего просто удалиться.

Симон похож на нас: он не любит перебранок в завершение банкета, боится конфликтов, всячески избегает открытых столкновений. Он утверждает, что это напрасный расход энергии и что нужно беречь силы для более интересных баталий. И что бороться с такими людьми, как его тесть, – значит заранее обрекать себя на неминуемое поражение.

А если с ним заговорить об ультраправых и о том, что экстремисты поднимают голову, он лишь покачает головой: «Ну это нормально… Все равно что ил на дне озера. Тут ничего не попишешь, людям это свойственно. Просто грязь не надо трогать, она и не будет воду мутить».

И как только он может выносить эти семейные трапезы?! Как его хватает на то, чтобы помогать своему тестю стричь живую изгородь?!

Наверное, в эти минуты он думает о шалаше для Лео.

Думает о том мгновении, когда возьмет за руку своего любимого сынишку и они вместе скроются в затихшем подлеске.

Мне стыдно потому, что в тот день мы позволили себя раздавить.

Мы снова позволили себя раздавить. Мы не вскочили из-за стола. Мы продолжали медленно пережевывать кусок за куском, мысленно внушая себе, что этот тип просто дурак набитый и нужно просто отгородиться от него, поплотнее закутавшись в воображаемую тогу молчаливого достоинства.

Бедные мы, бедные. Или нет – просто трусы.

Ну почему мы такими уродились, все четверо?! Почему люди, умеющие перекричать других, внушают нам такую робость?! Почему мы безоружны перед воинствующим сбродом?!

Что было не так в нашей семье? И где кончается хорошее воспитание и начинается трусость?

Как часто мы об этом говорили. Как часто били себя в грудь, каясь в преступном бездействии над остатками пиццы и окурками, натыканными куда попало. И ведь мы не нуждались в давлении со стороны, чтобы проявлять покорность. Мы были уже достаточно взрослыми, чтобы покоряться добровольно, и, сколько бы выпитых бутылок ни валялось вокруг нас, мы всегда приходили к одному и тому же выводу. Что если мы стали вот такими – безответными, бессильными, готовыми к капитуляции перед дураками, – то лишь потому, что полностью утратили веру в себя. Потому что мы себя не любим.

Я хочу сказать, не лично себя, а вообще.

Мы слишком низко себя ценим.

Во всяком случае, ценим недостаточно для того, чтобы переорать папашу Молину, брызгая слюной на его жилет. Недостаточно, чтобы хоть на секунду поверить, что наши негодующие вопли способны изменить ход его мыслей. Недостаточно, чтобы надеяться, что наши брезгливые мины, брошенные на стол салфетки и опрокинутые стулья смогут хоть на йоту изменить ход мировой истории.

Интересно, что подумал бы сей бравый налогоплательщик, увидев, как мы орем, размахиваем руками и покидаем его жилище с высоко поднятой головой? Наверняка тем же вечером прожужжал бы все уши своей супруге:

– Ну и мозгляки! Нет, ну просто мозгляки! Нет, ну в самом деле, какие мозгляки!..

Бедная женщина – ей-то зачем страдать?!

И вообще, кто мы такие, чтобы портить праздник двум десяткам гостей?!

А еще можно убедить себя, что это вовсе не трусость. С тем же успехом можно назвать это мудростью. Внушить себе, что мы умеем вовремя отступить. Что мы не любим копаться в дерьме. Что мы куда честнее всех этих людишек, которые без конца треплют языком, ровно ничем и никому не помогая.

Да, именно этим мы и утешаемся. Твердя себе, что мы еще молоды, но уже достаточно проницательны. Что мы держимся елико возможно дальше от этого муравейника, что эта глупость нас совершенно не трогает. Плевать мы на нее хотели. У нас есть нечто более ценное. У нас есть мы. Мы богаты иначе.

Для этого достаточно всего лишь обратить взоры внутрь.

Чего там только нет – у нас внутри! Наши головы забиты множеством вещей, не имеющих ничего общего с их расистскими бреднями. Там есть музыка и писатели. Дороги, пороги, берлоги. Шлейфы падающих звезд на квитанциях от карточки Visa, выдранные страницы и заполненные воспоминаниями счастливыми и ужасными. Песни и припевки, что вертятся на языке. Записки, хранимые «на долгую память», любимые книги, мармеладные медвежата и поцарапанные винилы. Наше детство, наши одинокие бдения, наши первые переживания и планы на будущее. Все эти часы лихорадочного ожидания под дверью и готовность помочь ближнему. Трюки Бастера Китона[6 - Бастер Китон (наст. имя Джозеф Франк, 1895–1966) – американский киноактер, игравший в основном в немых кинофильмах.]. Письмо Армана Робена в гестапо[7 - Армен Робен (1912–1961) – французский писатель и переводчик; в годы Второй мировой войны сотрудничал с профашистским правительством Петена.] и Овен в облаках Мишеля Лейриса[8 - Мишель Лейрис (1901–1990) – французский писатель, поэт, этнолог и искусствовед. «Овен в облаках» – образ из его поэмы «Lena».]. Сцена, в которой Клинт Иствуд оборачивается со словами: «Oh… and don’t kid yourself, Francesca…»[9 - Клинт Иствуд (р. 1930) – американский актер и режиссер. Фраза «О, не обманывай себя, Франческа!» взята из его фильма «Мосты округа Мэдисон» (1995).], и та, где Никола Карати защищает своих измученных больных на процессе их палача[10 - Никола Карати – герой итальянского телесериала «Лучшие из молодых» («La meglio gioventu», 2003, реж. Марко Туллио Джордана), психолог, который помог душевнобольным пациентам выиграть процесс против директора лечебницы, жестоко обращавшегося с ними.]. Праздничные гулянья 14 июля в Виллье. Аромат айвы в погребе. Наши дедушки и бабушки, сабля господина Расина и его сверкающая кираса[11 - Отсылка к книге французского писателя и художника Томи (Жана-Тома?) Унгерера «La grosse bete de Monsieur Racine», где герой носит кирасу и саблю, похожие на те, что носили солдаты во время франко-прусской войны 1870 г.]. Наши провинциальные фантазмы и зубрежка накануне экзаменов. Плащ мамзель Жанны, когда она садится на мотоцикл позади Гастона[12 - Жанна, Гастон – герои мультсериала «Гастон Ла Гафф».]. «Пассажиры ветра» Франсуа Буржона[13 - Франсуа Буржон (р. 1945) –

французский художник, автор комиксов, в т. ч. серии «Пассажиры ветра».] и первые строки из книги Андре Горца[14 - Андре Горц (наст. имя Хорст Герард, 1923–2007) – французский философ и социолог. В 2007 г. в возрасте 84 лет покончил жизнь самоубийством вместе с женой.], посвященные его жене, которые Лола вчера вечером прочитала мне по телефону, после того как мы с ней битый час проклинали эту чертову любовь: «Тебе скоро исполнится восемьдесят два года. Ты стала ниже на десять сантиметров, весишь всего сорок пять кило, но по-прежнему красива, грациозна и желанна». Марчелло Мастроянни в фильме «Очи черные» и платья от Кристобаля Баленсиаги. Запах пыли и сухого лошадиного навоза по вечерам, когда мы выходили из автобуса. Лаланны в своих мастерских, разделенных садом[15 - Супруги Лаланн, Клод (р. 1924) и Франсуа-Ксавье (1927–2008), – французские дизайнеры и скульпторы, на протяжении 50 лет работавшие каждый в своей мастерской.]. Две памятные ночи: первая – когда мы поменяли местами таблички на улице Добродетелей, а вторая – когда запихнули селедочные потроха под террасу ресторана, где работал этот долбонавт из Po?le Tefal. И памятный переезд в кузове грузового фургона, где, лежа на картонных коробках, мы прослушали, а Венсан зачитал нам вслух весь «Отчет»[16 - «Отчет» («L’Etabli») – книга о французской молодежной оппозиции 70-х годов XX века.], от начала и до конца. И лицо Симона, когда он впервые в жизни услышал Бьорк, и музыка Монтеверди на автостоянке в «Макумбе»[17 - Клаудио Монтеверди (1567–1643) – итальянский композитор, виолист и певец. «Макумба» – ночной клуб.].

Все сделанные нами глупости, и угрызения совести, и мыльные пузыри, которые мы пускали на похоронах крестного Лолы…

Все наши неудачные любовные романы, разорванные письма, друзья, которым всегда можно позвонить. И знаменательные ночи, и эта мания всегда все переставлять и перекладывать с места на место. И тот незнакомец или незнакомка, кого мы завтра ненароком толкнем на бегу, догоняя автобус, который нас не дождется.

Все это и еще много чего другого.

Вполне достаточно, чтобы не погубить свою душу.

Вполне достаточно, чтобы не вступать в перепалки с идиотами.

Да пусть они все сдохнут!

Впрочем, они и так сдохнут.

Они сдохнут сами, без нашей помощи, пока мы будем сидеть в кино.

Вот чем утешаешь себя, вспоминая тот день, когда мы промолчали и не полезли в драку.

И нужно помнить еще одно: во всем этом – в нашем внешнем безразличии, в нашей сдержанности, а также в слабости – есть доля вины наших родителей.

Доля вины – и доля заслуги.

Потому что это они приобщили нас к музыке и книгам. Это они рассказывали нам о других вещах и заставляли смотреть на мир по-другому. С большей высоты, с большего расстояния. Но именно они забыли дать нам главное – уверенность в себе. Им казалось, что это придет само собой. Что мы вполне готовы к взрослой жизни, а их похвалы только навредят этой уверенности.

Увы, это была ошибка.

Уверенность к нам так и не пришла.

И вот результат – благородные слабаки. Безголосые перед агрессивными обывателями, которые плевать хотели на наши высокие устремления и от которых порой начинает тошнить.

Может, от переизбытка сладкого крема…

Помню, как однажды мы всей семьей приехали на пляж в окрестностях Оссгора, – а нам крайне редко случалось выбираться куда-либо всем вместе, ибо Семья, именно с большой буквы «С», никогда не была для нас таковой в полном

смысле этого слова; и вдруг наш Старик (папа категорически не желал, чтобы его величали Папой, и, когда посторонние удивлялись, мы говорили, что это, мол, из-за мая шестьдесят восьмого. Такое объяснение нам страшно нравилось – «май 68-го» звучало как тайный код, это было все равно что сказать: «Он прилетел с планеты Зорг»), так вот, наш Старик вдруг оторвался от книги, поднял голову и спросил:

– Дети, вы видите этот пляж?

(Как вам нравится – назвать пляжем Серебряный берег![18 - Курортный город Оссгор и Серебряный берег (пляж) находятся на бискайском побережье Франции.])

– А известно ли вам, какое место вы занимаете во Вселенной?

(Еще бы не знать! Несчастные лишенцы, которым даже не разрешают есть мороженое на берегу!)

– Вы все, вместе взятые, не больше одной песчинки. Вот этой вот крошечной песчинки. И ничего более.

И мы ему поверили.

Что ж, тем хуже для нас.

– Чем это пахнет? – с тревогой спрашивает Карина.

А я как раз обмазываю себе ноги снадобьем мадам Рашид.

– Господи, что… что это за отрава?

– Понятия не имею. Наверное, мед или жженый сахар, смешанный с воском и пряностями…

– Какой ужас! Вот уж мерзость так мерзость! И ты занимаешься этим здесь, в машине?!

– А куда деваться? Не ехать же на свадьбу с волосатыми ногами. Еще примут за снежного человека.

Моя невестка с тяжким вздохом откидывается назад.

– Только, пожалуйста, не испачкай сиденье… Симон, выключи кондишн, я открою у себя окно.

– …Выключи, пожалуйста, – добавляю я сквозь зубы.

Мадам Рашид завернула мне этот «рахат-лукум» во влажную тряпочку. «Ти пириходи к меня следущи раз. Пириходи к меня, я тибе что-то исделаю. Исделаю такой хороший вещь с твой садик лубви. Ти будешь видеть, какой он будет, твой мущин, когда я тибе убирать все оттуда, он будет тибе лубить как безумни, исделает для тибе все что ни попроси», – заверила она, хитро мне подмигнув.

Я улыбалась, вспоминая ее слова. Но не слишком радостно. Потому что ухитрилась-таки посадить пятно на подлокотник своего кресла и теперь пыталась незаметно стереть его клинексами. Черт бы меня подрал!

– Ты что же, намерена и переодеваться прямо в машине?

– Нет, мы остановимся где-нибудь не доезжая… Правда, Симон? Ты найдешь для меня укромное местечко?

– Там, где пахнет лесными орешками?

– Вот-вот, вся надежда на тебя!

– А Лола? – спрашивает Карина.

– Что «Лола»?

– Она приедет?

– Не знаю.

Карина даже подпрыгивает от возмущения.

– Как это ты не знаешь?

– Да вот так, не знаю.

– Это просто невероятно!.. С вами никогда ничего не известно. Вечно одно и то же – эта непобедимая артистическая расхлябанность. Неужели так трудно быть серьезными, хотя бы время от времени?! Хоть чуточку?!

– Вчера я говорила с ней по телефону, – сухо ответила я. – Она была не совсем в форме и еще не знала, поедет или нет.

– Ты меня удивляешь!..

Ух, как я ненавидела этот противный снисходительный тон…

– И что же тебя удивляет? – спросила я сквозь зубы.

– О-ля-ля! Да ничего. С вами меня уже ничего не удивляет! И вообще, если Лола не в форме, это отчасти и ее вина. Она ведь этого хотела, разве нет? У нее просто талант попадать в самые невозможные ситуации. Даже представить себе не могу…

В зеркальце заднего вида отразились нахмуренные брови Симона.

– В общем, если хочешь знать мое мнение, я могу сказать только одно…

Да, точно. Ты можешь сказать только одно…

– Проблема Ло в том…

– Стоп! – взорвалась я в самой середине ее фразы. – Стоп! Я жутко не выспалась, давай отложим это на потом.

Карина приняла свой привычный оскорбленный вид:

– Ну, так я и знала, в этой семье мне никогда не дадут слова сказать. Стоит сделать самое невинное замечание по поводу одного из вас, как трое других приставляют мне нож к горлу… Это просто смешно, наконец!

Симон пытался перехватить мой взгляд.

– Я вижу, ты хихикаешь над моими словами? Вы оба хихикаете надо мной! Да уж, нечего сказать – взрослые люди, а ведете себя как малые дети. Я, кажется, имею право на собственное мнение… или уже нет? Поскольку вы никого не желаете слушать, вам никто не может ничего сказать, а поскольку никто не может вам ничего сказать, вы так и остаетесь неприкосновенными. И никогда не считаете себя виноватыми. Но я-то сейчас выскажу вам все, что об этом думаю…

(Да плевать нам с высокого дерева на тебя и на то, что ты думаешь, моя милая!)

– Так вот, я думаю, что эта линия самозащиты, этот принцип «Мы сплочены, а на всех остальных нам плевать!» оказывает вам скверную услугу. Это не назовешь конструктивным подходом.

– Дорогая моя Карина, а что конструктивно в нашем низменном мире?!

– Ой, только избавьте меня от ваших философских штучек и хоть на две минуты перестаньте изображать разочарованных Сократов. В вашем возрасте эти пафосные высказывания просто нелепы… Послушай, ты когда-нибудь кончишь возиться с этой дурацкой мазью, в машине уже не продохнуть как воняет.

– Да-да, сейчас, – успокоила я ее, растирая пахучий комок по своим тощим белым лодыжкам, – уже почти все.

– Неужели ты потом не накладываешь крем? При эпиляции поры закупориваются и кожа не дышит, ее нужно обязательно увлажнить после процедуры, иначе на ногах до завтрашнего дня останутся красные точки.

– О черт, я ничего не взяла с собой.

– У тебя нет при себе увлажняющего крема?

– Нет.

– Даже дневного нет?

– Нет.

– И ночного нет?

– Нет.

– То есть вообще ничего нет???

Карина пришла в ужас.

– Ну почему же… У меня с собой зубная щетка, паста, L’Heure Bleue[19 - L’Heure Bleue – популярные и очень дорогие духи фирмы Guerlain.], презервативы, тушь для ресниц и помада Labello rose.

Карина была убита.

– И это все, что есть в твоей косметичке?!

– Гм… В моей сумке. У меня нет косметички…

Она тяжело вздохнула, порылась в своих запасниках и протянула мне толстый белый тюбик.

– На, возьми… помажь хотя бы этим…

Я поблагодарила ее с улыбкой – на сей раз искренней. Она была довольна. Моя невестка жуткая зануда, но ей нравится доставлять другим удовольствие. Хотя бы это достоинство за ней нужно признать…

Кроме того, она не переносит закупоренных пор, от этого у нее просто сердце разрывается.

Помолчав с минутку, она снова заговаривает со мной:

– Гаранс…

– М-гм…

– Знаешь, что я считаю ужасно несправедливым?

– Наценки Marionn…[20 - Имеется в виду крупнейшая французская парфюмерная компания Marinnaud.] – Нет. То что ты будешь выглядеть красивой, несмотря ни на что. Тебе стоит чуть тронуть губы помадой, мазнуть ресницы тушью, и ты становишься красавицей. Язык не поворачивается сказать тебе это, но так оно и есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/anna-gavalda/glotok-svobody/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В больнице Гарша, небольшого городка в окрестностях Парижа, выхаживают людей, пострадавших в серьезных ДТП. Существует расхожая фраза: «Пристегнись, не то кончишь свои дни в Гарше».

2

CSG (contribution sociale generalisee) – налог, взимаемый со всех категорий собственности и деятельности на социальные нужды (фр.).

3

RER (Reseau Express Regional) – скоростное метро, связывающее Париж с предместьями (фр.).

4

Лимузен, некогда историческая область, а сегодня район Франции, лежит к югу от Парижа, тогда как площадь Клиши расположена в северной части города.

5

Сайт знакомств в Интернете.

6

Бастер Китон (наст. имя Джозеф Франк, 1895–1966) – американский киноактер, игравший в основном в немых кинофильмах.

7

Армен Робен (1912–1961) – французский писатель и переводчик; в годы Второй мировой войны сотрудничал с профашистским правительством Петена.

8

Мишель Лейрис (1901–1990) – французский писатель, поэт, этнолог и искусствовед. «Овен в облаках» – образ из его поэмы «Lena».

9

Клинт Иствуд (р. 1930) – американский актер и режиссер. Фраза «О, не обманывай себя, Франческа!» взята из его фильма «Мосты округа Мэдисон» (1995).

10

Никола Карати – герой итальянского телесериала «Лучшие из молодых» («La meglio gioventu», 2003, реж. Марко Туллио Джордана), психолог, который помог душевнобольным пациентам выиграть процесс против директора лечебницы, жестоко обращавшегося с ними.

11

Отсылка к книге французского писателя и художника Томи (Жана-Тома?) Унгерера «La grosse bete de Monsieur Racine», где герой носит кирасу и саблю, похожие на те, что носили солдаты во время франко-прусской войны 1870 г.

12

Жанна, Гастон – герои мультсериала «Гастон Ла Гафф».

13

Франсуа Буржон (р. 1945) – французский художник, автор комиксов, в т. ч. серии «Пассажиры ветра».

14

Андре Горц (наст. имя Хорст Герард, 1923–2007) – французский философ и социолог. В 2007 г. в возрасте 84 лет покончил жизнь самоубийством вместе с женой.

15

Супруги Лаланн, Клод (р. 1924) и Франсуа-Ксавье (1927–2008), – французские дизайнеры и скульпторы, на протяжении 50 лет работавшие каждый в своей мастерской.

16

«Отчет» («L’Etabli») – книга о французской молодежной оппозиции 70-х годов XX века.

17

Клаудио Монтеверди (1567–1643) – итальянский композитор, виолист и певец. «Макумба» – ночной клуб.

18

Курортный город Оссгор и Серебряный берег (пляж) находятся на бискайском побережье Франции.

19

L’Heure Bleue – популярные и очень дорогие духи фирмы Guerlain.

20

Имеется в виду крупнейшая французская парфюмерная компания Marinnaud.

Купить: https://tellnovel.com/ru/anna-gavalda/glotok-svobody-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить